

Анастасия БУЛАВА

студентка III курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

Научный руководитель: д-р истории Р.А. Рабинович

ДОМ И ЕГО «ОБИТАТЕЛИ» В МИФОЛОГИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Bulava A.N. The House and its Inhabitants in the Eastern Slavs Mythology.

This work views the house as a phenomenon of culture. This is the first attempt to examine the house as a material and spiritual object in one context. Using rituals in which the house takes main place we study the tradition of the house building. The main questions we discuss are about assimilation of the house and its turning from nature into the culture.

Rituals of houses building and its assimilation and turning from natural into cultural are very important. All this shows us how ancient people looked at the picture of the world.

We explain ideas about meaning of some objects and show that the house, which is associated with man's body, is full of unclear inhabitants. They influence people's conduct and create a world which is against people.

*«История предстает перед нами как лавина
саморазвивающегося живого существа, ...
альтернатив, моментов выбора пути, моментов,
когда нельзя предсказать, куда потечет дальнейшее
развитие. Это «минуты роковые» по Тютчеву и
«моменты бифуркации» по Пригожину».*
Ю.Лотман

Изучение народного жилища привлекает к себе внимание, как историков, так и этнографов и археологов. Не зная истории народного жилища, нельзя понять многие важные особенности развития материальной культуры, нельзя составить достаточно яркое и конкретное представление о характере жизни и быта людей (Раппопорт 1975: 104). Современная историография не дает исчерпывающей информации о жилище, так как рассматривает все вопросы с материальной точки зрения, часто оставляя духовную в стороне. Но если не учитывать последнюю, то можно упустить из виду очень важную информацию о психологии людей, а следовательно, и не заметить в «чисто материальном» черту духовного. Поэтому, в данной ра-

боте, дом будет рассматриваться как мир, в котором живет человек, мир, где происходит выработка стратегии поведения человека и его ориентации в окружающем мире.

Многоаспектность и многоплановость самого феномена культуры предполагает и разные пути его исследования. Одним из них является рассмотрение культуры как совокупности знаков, в качестве которых выступают материальные предметы, явления и события. Соединение методов знакового анализа культуры с ее традиционным этнографическим изучением представляет собой одну из важнейших задач современной науки (Этнографическое изучение знаковости средств культуры 1989: 3). В последние десятилетия в историографии появляются инте-

ресные работы, изучающие все эти вопросы, хотя, следует отметить и давние, ставшие классическими работы по этнографии, рассматривающие жилище чисто с материальной точки зрения. Среди них работы Д.К. Зеленина (1991), Этнография восточных славян (очерки традиционной культуры) (1987), Л. Нидерле (1956) и многих других. Большой интерес вызывает ряд трудов по общетеоретическим вопросам изучения специфики знаковых средств (Мыльников 1999, Иванов 1999, Байбуурин 1999, Топорков 1999 и др.). В последнее время появляются и работы, в которых уделено большое внимание духовной стороне предметов, находящихся в доме.

Одной из наиболее полных совершенно справедливо считается работа А.К. Байбуурина «Жилища в обрядах и представлениях восточных славян». В ней представлен большой материал по строительной обрядности и по семиотике внутреннего пространства. Но А.К. Байбуурин все же не дает достаточной интерпретации по вопросам, связанным с выбором материала для строительства и с приписываемым значением некоторым предметам. Часто не понятно, почему существует запрет на использование того или иного материала, почему уделяя внимание конструктивным особенностям отдельных элементов, другие при этом остаются в стороне. А.К. Байбуурин не рассматривает вопрос об «обитателях дома». В его работе представлен лишь образ домового, и создается впечатление, что он – воплощение всех остальных обитателей, хотя на самом деле это не так.

В доказательство этому можно привести работы Н.В. Ушакова 1999 г., Е. Левкиевской 2003 г., М. Власовой 1995 г. и др. В них представлен материал по домашним духам, проводится попытка выявить функции каждого, показать какую роль они играли в жизни людей. Но определенная картина четко не вырисовывается: получается, что один дух может принимать образ другого, сочетать в себе функции третьего и т.д. Возможно, это связано с тем, что их работы содержат больше описательного материала, а систематизация и глубокий анализ фактов не входили в задачи их работ.

Ну и, наконец, вопрос о восприятии самого жилища, насколько точно оно повторяет картину мира, действительно ли дом сравним с человеком. А.К. Байбуурин в своей книге затронул и эту сторону вопроса. Он говорит о том, что дом связывает человека с окружающим миром, что дом сопос-

тавим с человеческим телом, что без него человек немалозначим. Н.Е. Мазалова в работе «Человек и дом: тождество русских представлений», рассматривая этот же вопрос, подчеркивает, что не человек немалозначим без дома, а дом – без человека, потому что дом – это женское начало, с ним соотносятся «все главные жизненные и физические характеристики человека: век, жизненная сила, строение тела, прежде всего – женского» (Мазалова 1999: 101)

Здесь же можно привести слова П.Г. Богатырева о том, что «каждая вещь обладает не одной функцией, а набором, пучком функций, среди которых как практические, так и символические» (цит. по Байбуурин 1983: 8). Рассматривая все выше упомянутые проблемы в сочетании с этим аспектом, будет проще показать, что жилище нельзя относить к вещам с низким семиотическим уровнем (его относят к сфере материальной культуры), а что оно обладает высшей значимостью, что дом – это единство материального и духовного (Байбуурин 1983: 8).

Интерес к истории древнерусского жилища проявляется достаточно отчетливо уже в середине XIX века. Но фактического материала для решения этой проблемы было мало. В письменных источниках содержатся сведения о первых жилищах славян. Так, Прокопий Кесарийский отмечает, что «живут славяне в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они, по большей части, меняют места жительства». О конструкции жилищ и других вопросах он не говорит ничего. Свидетельство Псевдо-Маврикия о многочисленных выходах из славянских жилищ тоже свидетельствует о крайне недостаточных сведениях об устройстве раннеславянских жилищ. Ценные сведения об устройстве жилищ, их внешнем виде, конструкции перекрытия содержатся в недошедшей до нас работе восточного автора IX в., заимствованные, по мнению Л. Нидерле, Ибн-Русте (Рафалович 1972: 61-63).

В данной работе не ставится целью исследовать жилище с момента появления первого примитивного со сравнительно простой структурой, а рассматривается период XVIII – XIX вв. Данные о ранних жилых постройках – землянках и полуземлянках – представлены в работах многих археологов и этнографов. Так П. А. Раппопорт дает характеристику древнерусских славянских жилищ VI – XIII вв. В эволюции жилых построек восточных славян он выделяет два этапа – период от VI до середины X в. и период от середины X в. до середины XII в., говоря, что именно

на рубеже этих этапов происходят наиболее существенные изменения в конструкции и планировке жилища (Раппопорт 1975: 155). М.Г. Рабинович рассматривает следующий период, когда полуземлянки постепенно превращаются в наземные постройки с более сложной конструкцией, но содержащие некоторые одинаковые черты планировки. Он отмечает, что русское жилище XIII – XV вв. изучено меньше, чем более раннее и более позднее. Анализ материала показал, что именно в этот период полуземлянки отошли в прошлое, и почти повсюду господствовало срубное наземное жилище. Но навык устройства землянок и полуземлянок не исчез и в XIX – XX вв.: при чрезвычайных ситуациях население возводило землянки и использовало их как временные жилища (Рабинович 1975: 242).

Начальной точкой нашего исследования будет период, когда дом уже прошел путь своего развития от простого в земле котлована – землянки к наземной постройке с четкой и сложной структурой. Именно этот период раскрыт более полно в источниках и в работах, о которых уже шла речь выше.

Материал по вопросам конструкции народного жилища и обрядности хорошо изучен и на сегодняшний день доступен. Кроме того, изучение семиотики внутреннего пространства позволяет нам судить о статусе домашнего пространства и дает основу для нового исследования, целью которого является изучение «нечистых обитателей» дома и их места в жизни человека.

Именно поэтому мы только вкратце коснемся моментов непосредственного строительства дома и его обживания, а так же вопросов, связанных с семиотикой внутреннего пространства. Основной же задачей будет рассмотрение «нечистых обитателей дома», выявление их значимости и изучение строительной обрядности и обживания дома как раз в контексте его «нечистых» обитателей.

Обряды направлены на превращение природного в культурное. Процесс этот не очень прост и требует особого внимания. Здесь очень важным является соблюдение двухступенчатости выбора: 1) определение реальных параметров места, времени, материала, учитываются их объективные свойства; 2) все в категории «потенциально пригодного» подвергается проверке, мотивируется логикой, соответствующей сакральным образцам. В результате чего достигается связь между сакральным и профаническим (Байбурин 1983: 26). Для восточных славян на первом этапе строительства главным счи-

талось правильно выбрать строительный материал, место строительства и время. Именно на это и были направлены обряды, совершаемые перед строительством.

Обряды, которыми сопровождается строительство дома, непосредственно направлены на то, чтобы наладить своего рода отношения между человеком и нечистой силой. Все они производятся, уже учитывая то, что в доме будет обитать нечистый дух, так как без него дом существовать не будет. А так как духов почитали, то и обрядности уделяли большое внимание и пытались соблюдать все необходимые правила. Именно в обрядах воплощены религиозные и бытовые традиции, они воссоздают не только образ дома, но и идеалы образования социальных групп (Байбурин 1983: гл. 1).

Е.В. Антонова писала: «...с позиции мифологического сознания созданная человеком вещь тождественна всем прочим существующим в мире вещам. Она появилась в мире способом, тождественным тому, который привел к появлению земли, небесных светил, животных, человека. Как и прочие вещи, она наделена свойствами живого существа. Вещь, по-видимому, неотделима от мира, она представляет не его отображение, а сам этот мир» (цит. по: Байбурин 1989: 70). Таким образом, получается, что любая вещь, и дом в частности, сравнимы с живым существом. Именно поэтому важно знать знаковую вещь в доме, важно знать представления, связанные с самим жилищем и его конструктивными элементами.

«Ритуал строительства ориентирован не на конкретные детали постройки, а на самые общие признаки дома, на образ дома». В этом случае внутреннее пространство наделяется признаками «свое», «безопасное», «освоенное», «чистое», а внешнее, соответственно, – «чужое», «неосвоенное», «опасное», «нечистое». Внешний мир мыслится опасным для человека и враждебным ему. Обитателям этого мира, наделенным чертами демонизма, приписываются атрибуты и действия, не допустимые в мире людей. Человек, нарушивший правила поведения, или сам уподобляется нечистой силе, или открывает ей доступ в дела человека.

Именно теперь можно подойти к главной задаче. В каждом доме существует еще и «коллектив», который представлен духами демонологии. Попытаемся определить, какие связи существуют внутри этой группы «жителей дома» и как люди уживаются на одном пространстве с представителями «мира чужих», с миром, где царят враждебные человеку силы.

Крестьяне считают, что у каждого строения, как и у каждого человека, есть свой нечистый хозяин. В него верят, его почитают, его боятся. Именно поэтому, поведение человека в доме обуславливается определенными правилами, которым непременно следует каждый человек, чтобы не причинить обиду и не разгневать «нечистого хозяина», духа дома.

Духи территориально «проживают» соответственно с ареалами региональных комплексов русских жилищ: севернорусских, среднерусских, западнорусских и южнорусских. Наличие тех или иных духов связано с наличием или отсутствием построек, характерных для того или иного типа жилищ (Байбурин 1983: 125).

Именно поэтому, при определении регионального распространения духов делалась попытка сгруппировать их по следующим признакам: по названиям духов, отражающих уровни детализации; духов мужских и женских; разделение духов по характеру бытования. Домашние духи отражают по своим названиям три основных таксономических уровня в жилище: 1) постройки, 2) помещения в постройках, 3) предметы обстановки в помещении. Всех домашних духов можно разделить на три группы, которые будут рассмотрены: образы демонологии, чьи названия образованы от названия построек; образы, возникшие от предметов обстановки в помещениях; названия, образованные от названий помещений в постройках. Рассматривая набор домашних духов, мы будем учитывать также тот факт, что мужские духи являются главными (так все они были самостоятельными и в тоже время от них образовывались женские названия), исходными, а женские – второстепенными. Последние, в свою очередь, делятся на три группы, которые я тоже буду брать во внимание: образованные от мужских названий; самостоятельные и не имеющие названий.

Здесь же возникает ряд сложностей по выделению «границ» места обитания, сфер власти и деятельности каждого духа. Нередко, один образ может сочетать в себе функции другого, названия духов могут быть разные по своему происхождению, но одинаковые в плане приписываемых им признаков и функций.

Для каждого комплекса жилищ характерен свой определенный набор духов (Ушаков 1999). Нагляднее эта картина будет в таблицах, в которых представлены персонажи, характерные для каждой зоны, и названия которых образованы от жилищных терми-

нов. Они представлены в работе Н.В. Ушакова, но в его таблицы включены не все духи, поэтому некоторые необходимые изменения и дополнения кажутся нам правомерными. Это поможет разобраться в происхождении тех или иных названий духов. Отметим еще и то, что в таблицах будут представлены образы как основные по характеру бытования, так и дополнительные. К основным мы будем относить только домового, дворового, банника и овинника; другие, как мужские, так и женские образы, являются дополнительными по характеру бытования (таб. 1, 2, 3).

Кроме этих духов дома гипотетически можно выделить еще одну группу образов славянской демонологии. Данное предположение выдвигается на основании того, что, учитывая большое семиотическое значение некоторых предметов, можно говорить и о наличии производных от них названий «обитателей» (таб. 4).

Попытаемся разобраться, что представляет собой каждый образ, какое значение ему приписывается, какую роль в жизни человека он играет (таб. 5).

В таблице 5 представлены как основные по характеру бытования, так и дополнительные образы демонологии. Эту группу «нечистых» обитателей мы не будем рассматривать подробно, так как по ним уже собрано большое количество материала (Власова 1995; Левкиевская 2003; Байбурин 1983; Щепанская 1999).

Отдельного внимания заслуживает группа духов, чьи названия связаны со знаково-стью вещей. Эта категория образов выделяется исходя из знаковых характеристик вещей. Интерес к этой группе образов проявляется в том, что их может быть бесчисленно много. Практически все вещи, наделенные смыслом и, тем самым, включенные в культуру, предполагают наличие своих духов. Конечно, в рамках данной работы не удастся охватить всех представителей данной группы. Поэтому остановимся лишь на некоторых из них, считающихся более важными.

Хлевная может составлять параллель с мужским образом – хлевым. Данный дух выделен нами в связи с тем, что хлев являлся постройкой, где держали скот, отношение к которому играло очень важную роль. В пределах своего дома-двора женщине приходилось постоянно сталкиваться с домовыми и дворовыми, милость и немилость которых к хозяевам отражалась, прежде всего, на скоте. Поэтому при переезде в новый дом

Таблица 1

Набор духов, бытующих в зоне распространения севернорусского комплекса жилищ (по Н.В. Ушакову (1999), с дополнениями автора).

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	мужские	женские			
		параллели мужских образов	пары - мужской и женский образы	самостоятельные женские образы	члены семьи мужских образов, без названий
1) построек	домовой	домовиха	домовой и домовиха	–	домовой, его дети и жена
	баканушка	бабка запечельница	–	пустодонка	–
	дворовой	–	–	–	–
	банник	байниха	банник и банниха	–	–
	овинник	овинница	овинник и овинничиха	жареница	–
	ригачник	ригачница	–	–	–
	гуменник	–	–	–	–
	амбарник	–	–	–	–
	колодечник	–	–	–	–
мельничный	–	–	–	–	
2) помещений в постройках	подпольник (подполянник)	–	–	–	подпольник, его дети и жена
	хлевный	–	–	–	–
	клетник	–	–	–	–
	подовинник	–	подовинник и подовинница	–	–
3) предметов обстановки в помещениях	запечник и подпечник	запечельница	–	–	–
	сысой	–	–	–	–
	гобешник	–	–	–	–

Таблица 2

Набор духов, бытующих в зоне распространения среднерусского и западнорусского комплексов жилищ.

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	мужские	женские			
		параллели мужских образов	пары - мужской и женский образы	самостоятельные женские образы	члены семьи мужских образов, без названий
1) построек	домовой	–	домовой и домовиха	–	–
	дворовой	–	–	–	–
	банник	–	–	–	–
	овинник	–	–	жареница	–
	гуменник	–	–	–	–
2) помещений в постройках	хлевник	–	–	–	–
3) предметов обстановки в помещениях	подпечник	–	–	печая	–

Таблица 3.

Набор духов, бытующих в зоне распространения южнорусского комплекса жилища.

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	мужские	женские			
		параллели мужских образов	пары - мужской и женский образы	самостоятельные женские образы	члены семьи мужских образов, без названий
1) построек	домовой	—	домовой и домовиха	—	дети домового
	дворовой	—	—	—	—
	банник	—	—	—	—
	овинник	—	—	—	—
	гуменник	—	—	—	—
2) помещений в постройках	колокольный мертвец	—	—	—	—
3) предметов обстановки в помещениях	—	—	—	—	—

Таблица 4

Дополнительные образы, связанные со знаковостью вещей (выделена автором)

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	мужские	параллели мужских образов	самостоятельные женские образы
помещений в постройках	—	—	—
	—	хлевная	—
предметов обстановки в помещениях	чердачник	—	—
	кутный дед	кутная баба	—
	подпорожник	—	—
	—	—	вышка
предметов с высоким семиотическим статусом	стольник	столешница	—
	—	—	скрынная бабушка

приглашали домового, иначе «скот не будет плодиться». В хлев нельзя было входить босиком и без платка; входя, нужно было громко заговорить, чтобы не застать духов, живущих здесь, врасплох и не заставить их гневаться (Романов 1999: 96).

Чердак был местом хранения пригодных в хозяйстве вещей. В сфере ритуально-мифологических представлений он почти не отмечен (Байбурун 1983: 180). Однако, можно говорить о существовании особого духа – чердачника. Само это помещение ассоциировалось с присущим ему спектром негативных значений и контролировалось нечистой силой. Поэтому, можно предположить, что чердачник был здесь главным, «хозяй-

ном среди хозяев».

Учитывая знаковость углов дома, мы выделяем «семью духов» – *кутный дед* и *кутная баба*. Они интересны тем, что, существуя в рамках одного жилого пространства, разделяют его на мужскую и женскую части. Но, вместе с этим, они представляют собой «союз» двух центров жилища, с которыми связана вся жизнь крестьянина.

Итак, *кутный дед* является хозяином мужской половины. Он выполняет роль хранителя объектов высшей ценности, в основном, икон, которые находились в красном углу. Здесь также располагался стол, а, следовательно, и назвать эту часть дома можно было алтарной (Байбурун 1983: 153). Срав-

Таблица 5.
Общая характеристика духов

Название духов	Внешний вид	Место обитания	Функция	Злой/ добрый	Вид деятельности	Поведение	Семья	Происхождение
Домовой	черт в образе человека, черты животного; древний старик с седой бородой, лохматый	гобешник, за занавеской, в красном углу, у порога, на чердаке, в хозяйственных постройках	покровитель дома, обеспечивает нормальную жизнь семье, покровитель	+ / -	выполняет различные хозяйственные работы, поучает	строгий, но справедливый; капризный и опасный,	жена и дети	дух умершего предка, происходит от слова «дом»
Банник (обдериха)	банник: черный мужик с железной рукой и длинными волосами; обдериха – дряхлая старуха с длинными волосами	баня	полновластный хозяйин бани	+ / -	следит за поведением в бане; обдериха – следит за рождением ребенка	может залушить, запарить, содрать кожу, пугает людей, бросает в них мусор	?	обдериха появляется после рождения в бане ребенка
Овинник	черный кот с горящими глазами; высокий мужчина с всклокоченными волосами	овин	покровитель овина	+ / -	переносит по ночам снопы, помогает молотье зерно, стережет сено	пугает людей, может убить	-	-
Гуменник	-	на гумне	дух, покровитель гумна	+ / -	наказывает за неправильную работу	может поджечь гумно	-	-
Ригачник	страшный лохматый мужик с огненными глазами	рига	хозяйин риги	-	-	-	-	-
Амбарный	-	амбар	дух амбара	+ / -	предсказывал будущее	-	-	-
Дворовой	невидимый покровитель	двор	приносит смерть девушкам	+ / -	кормит, поит скотину	колоброд	-	-
Кикимора	безобразная старуха в лохмотьях; красивая девушка с длинной косой	дом, лавка, реже двор, хлев, за печкой, на чердаке	помогает по хозяйству	+ / -	прядет, шьет, предсказывает будущее	бьет горшки, мешает спать, посаждает воem	-	от балто-славянского и общеславянского корней кик и мара

нение же стола с «божьей ладонью» говорит о том, что «хозяин» большого угла мог быть помощником Бога, поэтому и поведение в этой части хаты было особым (Байбурин 1983: 155; Конькова 1999: 29).

Кутная баба была полновластной «хозяйкой» женской половины жилища. Она следила за хозяйкой, за тем, как та относится к печи. Если печь держали неопрятно, то кутная баба могла разгневаться. Последнее связано и с тем, что в этой части дома запрещалось ругаться и ссориться. Этот образ мог фигурировать в похоронных и родильных обрядах (Щепанская 1999: 162; Байбурин 1983: 162; Зеленин 1991: 323; Мазалова 1999: 107). В первом случае данный дух охранял от губительного влияния смерти, а так же провожал умерших на тот свет. Во втором – он играл роль матери-повитухи, следил за рождением ребенка, помогал появиться ему на свет, а также принимал участие в его воспитании.

С кутной бабой постоянно сталкивался и другой дух женской половины дома – *скрынная бабушка*. Мы не находим параллели этого образа с мужским, а значит, можем судить о самостоятельном значении данного духа. Он являлся хранителем всех ценных в доме вещей, которые были наделены определенной значимостью. Скриню считали обиталищем предков, из чего можно предположить, что скрынная бабушка была хранительницей традиций семьи и передавала их из поколения в поколение. Этот образ интересен тем, что место его обитания не выходит за рамки дома, а, следовательно, и функция его вырисовывается довольно четко – беречь дом и сочетать в себе черты той вереницы предков, которым она столько лет служит (Богомазова 1999: 53-58).

Подпорожник – дух умершего предка. Он обитает на границе между внешним и внутренним миром. Именно поэтому, его главная задача – не дать нечистой силе проникнуть в дом. Остановка и молитва перед порогом схожа с формой поведения людей в церкви, подчеркивая тем самым сакральность этого образа. Подпорожника можно назвать и «хранителем дома». Обряд, связанный с передачей новорожденного мальчика через порог, чтобы он «стал хранителем дома» (Зеленин 1991: 324), говорит о том, что этот образ передает ребенку свои качества, делится опытом, а, следовательно, участвует в передаче жизненных традиций.

Стол также мог иметь своего духа – *столешник*. Это связано с особым отношением к данному предмету. Исходя из того, что стол

считали источником благополучия и силы, следует, что и дух этого предмета заботился о счастье и здоровье членов семьи. Столешник – это дух умершего не своей смертью предка. Возможно, поминальные обряды, в которых фигурировал стол (Байбурин 1983: 155; Конькова 1999: 29), можно рассматривать как жертвоприношение этому духу. Последнее говорит и о близкой связи столешника с богом, а, следовательно, и о наделении его признаками сакральности.

Скатерть, которой покрывали стол в особых случаях, имела своего духа – *столешница*. Этот образ составлял параллель с мужским духом, о котором шла речь выше. Скатерть фигурировала в свадебных и родильных обрядах (Разумова 1999: 68; Байбурин 1983: 158), а дух ее заботился о дальнейшей жизни новобрачных и о рождении детей.

В связи с тем, что печь играла большую роль в жизни людей, фигурировала в родильных и похоронных обрядах, выделяется самостоятельный женский образ, который мог быть помощником печника – *вьюшка*. Этот дух обитает в печном окне и главным образом заботится о душе покойника и о ее пути в другой мир. Кроме этого, вьюшка, видимо, предсказывает и будущее «по тем уголькам, которые выскочат из печи» (Щепанская 1999: 162; Байбурин 1983: 162; Зеленин 1991: 323; Мазалова 1999: 107).

Вполне естественно, что все эти образы выделены условно. Однако, учитывая их наличие, можно с некоторым допущением определить «границы владений» тех или иных духов и выяснить, кого же из представителей демонологии можно считать «настоящим хозяином» в доме и во дворе.

Попытаемся, учитывая функции, поведение, место обитания и ряд других признаков, определить, какой из духов обладает большей властью и как это сочетается с его поведением и деятельностью.

Исходя из характеристик, выявленных по народным поверьям и представленных в таблице 5, нельзя определить грань между добрыми и злыми духами. Почти все образы сочетают в себе и положительные и отрицательные качества, которые проявляются в зависимости от ситуации.

Особый интерес представляют два образа: *домовой* и *кикимора*. Кикимора является древним образом, и это подчеркивается ее происхождением. Кроме того, именно кикимора фигурирует в качестве одного из главных персонажей в строительной обрядности еще на самом раннем этапе возведения жилища. Следовательно, она выглядит

Рис. 1. Иерархическая лестница образов демонологии (вариант реконструкции).

могущественнее домового, к тому же по «правилам» низшего пантеона» кто старше, тот сильнее. В связи с этим мы гипотетически располагаем данный образ на первой ступени нашей иерархической лестницы (рис. 1).

Домовой в таком случае будет занимать свое законное место на второй ступени. Его сила меньше, но сфера влияния практически неопределима. Он является и духом дома, и духом двора и всех хозяйственных построек. Домовой обитает везде, а значит и в управление его находится все, что принадлежит человеку. Этим, видимо, и объясняется особое отношение к этому образу.

Третью ступень нашей иерархической лестницы занимает банник. Этот образ не так близок человеку как домовый или кикимора. Чаще отрицательное отношение к духу бани не позволяет вписать его в категорию «равного» человеку. Его поведение отталкивает, а, следовательно, и переход через грань неизвестного делает крайне опасным. И если кикимора и домовый участвуют в повседневной жизни людей, помогают им по хозяйству, то банник это больше пассивный персонаж и его деятельность не сильно заметна.

На последней ступени находятся остальные персонажи. Данных по ним очень мало и мы не можем определить их происхождение и внешний вид. Но среди этих образов прослеживается четкое разделение функций каждого, а также сфера их влияния.

Теперь, когда определены «главные и сильнейшие», выявим «границы» их пересечения и определим, где сконцентрирована основная часть нечистой силы. Для этого схематично представим основные предметы в доме и главные хозяйственные постройки (рис. 2). В схеме четко выделяются две группы среди указанных образов: домашние и духи хозяйственных построек. Интересно

то, что область распространения последних не включает в себя дом. Они сосредоточены во дворе. Представители же домашних духов встречаются и в хозяйственных постройках. Домовой и кикимора разделяют территорию обитания, как в доме, так и во дворе. Поэтому первой областью концентрации нечистой силы будем считать двор, где располагаются хлев, оvin, гумно. Причем, большинство из них обитало в хлеву (вероятно, это связано с особым отношением к животным).

В доме выделяется два таких места. Первое — у стенки, где стоял сундучок-скрыня, и второе — печь. Получается, что в доме вся нечистая сила сконцентрирована в женской половине. Это, видимо, объясняется тем, что, помогая в работе во дворе, духи всячески пытались наладить порядок и в доме. Не зря печь всегда держали в чистоте, а скрыня занимала особое место и была неприкосновенной ни для кого кроме женщин.

Таким, возможно, представлял себе человек свой окружающий мир. Каждый день, сталкиваясь с представителями потустороннего мира, человек пытается подстроиться под него, угодить. Понятно, почему каждому из духов человек приписывал свое определенное значение. Это сыграло немалую роль в понимании и представлении окружающего мира. Наверное, если бы мы не знали всего этого, мы бы не смогли понять и объяснить поведение человека в той структуре, которую он создает и в которой живет, не смогли бы и предположить, что дом это тот же мир, с его обитателями и правилами, который очень трудно понять и представить и в котором тоже идет борьба за власть и за жизнь.

Подводя итоги, прежде всего, следует отметить то, что люди разных регионов представляют себе домашних духов по-разному.

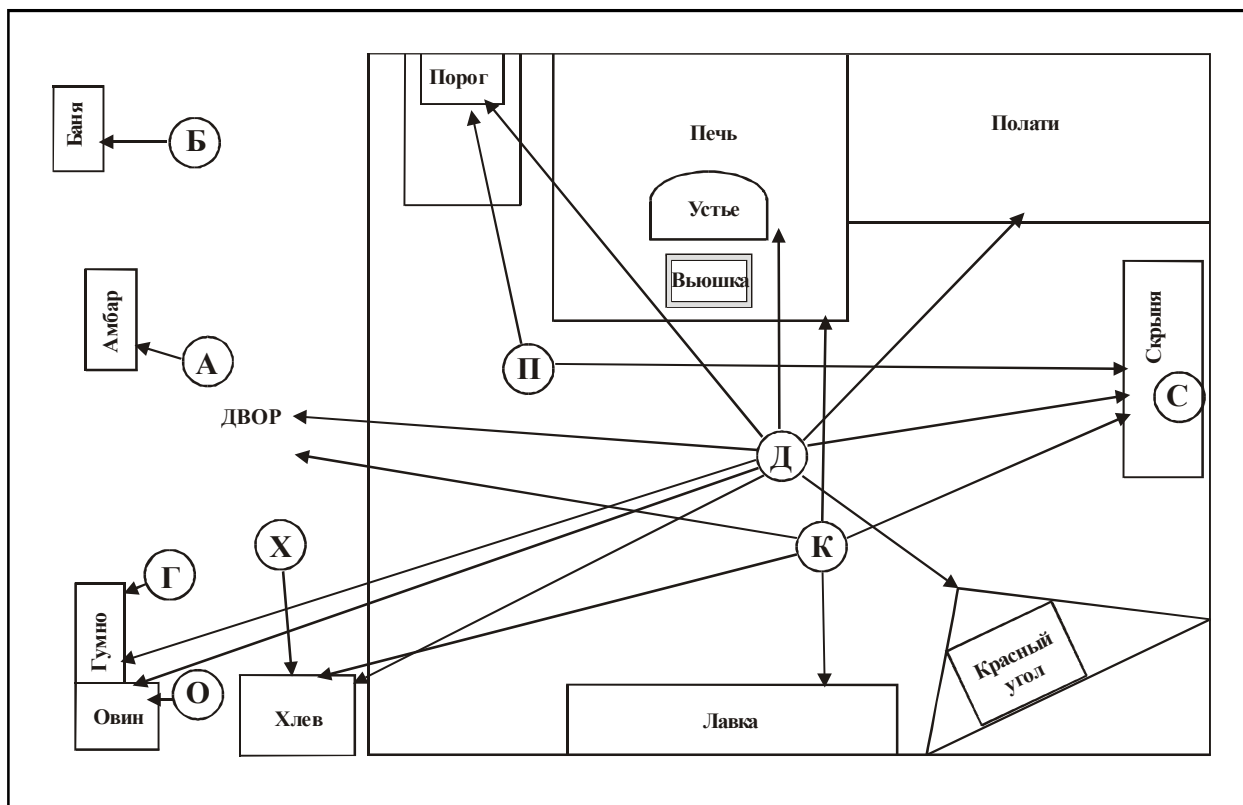

Рис. 2. Схема распространения духов. Каждая буква, обведенная в круг, – название духа (С – скрянная бабушка, Д – домовой, К – кикимора, П – подпорожник, Х – хлевный, Г – гуменник, О – овинник, А – амбарник, Б – банник). Стрелки – места, где могут обитать данные духи.

Это вызывает трудности при составлении образа каждого духа. В тоже время нельзя точно сказать, кто более добрый или кто самый злой. Понятия добра и зла настолько перекрывают друг друга, что грань между ними определить невозможно.

Иерархию демонологических образов также трудно выявить. Сопоставляя все данные, можно лишь предполагать, что главными были домовый и кикимора. Строя дом, люди уже знали, что там будут жить и другие «обитатели». Поэтому в начале строительства приносили жертвы, а потом совершали ряд обрядов по «оживлению» дома и приглашали со старого места жительства своих духов-покровителей.

Рассмотрение дома как феномена культуры с духовной точки зрения, показывает, что все, что можно причислить к сфере культуры, должно было быть наделено смыслом. Здесь большую роль играет изучение и выяснение семиотики жилого пространства, выявление тех ценностей, которые славяне приписывали всему дому и его «обитателям». Анализ представлений, связанных с домом от момента строительства

до его мифологических обитателей и семиотики вещей, показал, что включение «чужого» в сферу «своего» очень существенно для установления первоначальной гармонии.

Несмотря на ряд возникших трудностей, попытка определить границы соприкосновения «нечистой силы» и человека, как представляется, вполне имеет право на существование. Мы попытались показать, что две точки домашнего пространства и одна во дворе являются центрами, влияющими на поведение человека и его отношение к дому и окружающему миру. Рассмотрение всех вопросов в едином контексте дают обширную информацию о социальном опыте людей, отражают их культурные образцы. Но главное – они помогают понять, насколько важен процесс освоения, превращения природного в культурное.

Все эти вопросы требуют дальнейшего рассмотрения, хотя бы потому что далеко не все поверья и обряды были учтены. Исследование данной темы нуждается в новых данных, ее актуальность будет возрастать, и привлекать все больше и больше исследователей.

Литература

- Байбурин А.К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.
- Байбурин А.К. 1989. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.
- Богомазова Т.Г. 1999. Украинская скриня как предмет женской субкультуры // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Власова М. 1995. Новая абевега. С-П.
- Зеленин Д.К. 1991. Этнография восточных славян. М.
- Конькова О.И. 1999. Мужчины и женщины в жизни после смерти // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Левкиевская Е. 2003. Мифы русского народа. М.
- Мазалова Н.Е. 1999. Человек и дом: тождество русских представлений // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Рабинович М.Г. 1975. Русское жилище в XIII – XVII вв. Древнее жилище народов восточной Европы. М.
- Разумова И.А. 1999. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Раппопорт П.А. 1975. Древнерусское жилище (VI – XIII вв. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.
- Рафалович И.А. 1972. Славяне VI – IX веков в Молдавии Кишинев
- Романов С.В. 1999. Женские обряды и традиции, связанные с животноводством // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Ушаков Н.В. 1999. Мужские и женские образы русской демонологии, связанные со сферой дом // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Щепанская Т.Б. 1999. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России. М.
- Этнография восточных славян (очерки традиционной культуры). 1987. М.